

И. Л. Маяк

ПРОБЛЕМА НАСЕЛЕНИЯ ДРЕВНЕЙШЕГО РИМА

ИЗУЧЕНИЕ вопросов о происхождении и этнической принадлежности населения может помочь созданию более полной и детальной картины древнейшего Рима, объяснить некоторые особенности его развития. Нельзя сказать, чтобы ученые совсем не касались проблемы населения Италии и Рима древнейших времен или чтобы мы стояли перед фактом полной неосведомленности в ней. Однако степень изученности этой проблемы и специфика интереса исследователей к ней побуждают нас к проверке и уточнению полученных наукой выводов.

Какими же выводами располагает в настоящее время историческая наука? Остановимся на более значительных работах. Уже на основе античной традиции ученые пришли к важному заключению об этнической неоднородности царского Рима. Это подчеркнул еще Г.-Б. Нибур¹, один из немногих, кто более подробно остановился на интересующих нас вопросах. Ядро Рима Нибур видел в Палатине (стр. 163). Его первыми поселенцами были сикулы или тиррены. Но тиррены, по Нибуру, отличались от этрусков, это — пеласги (стр. 25—26). Они и дали Риму его имя «Рома», которое не принадлежит латинскому языку (стр. 162). На соседнем холме обитали сабины, основавшие там свой город, условно названный нибуром *Quirium* (стр. 164). На других высотах жили аборигины, а несколько позднее на Целии — альбанцы, т. е. латины.

В соответствии с исходным источниковедческим принципом — искать в легендарном материале следы исторической реальности или, по крайней мере, вероятного указания на нее Нибур, считавший Троянскую войну мифом, не отметал возможности троянской колонизации Италии (стр. 102—104). В этом он следовал греческой традиции о троянских поселениях на Западе. Но троянское сказание, по его мнению, пришло в Рим не через греческую литературу, а имело здесь местное происхождение. Такое допущение не меняет основной концепции Нибура и вполне вписывается в нее, поскольку троянцы у него — это пеласги-тиррены (стр. 107—108).

Картина древнейшего населения Рима, созданная Нибуром, оказалась в историографии XIX столетия наиболее подробной. Он первым собрал соответствующий материал греко-римской традиции и настолько глубоко изучил его, что ему удалось высказать предположения, которые обрели новую жизнь в науке через сотню лет (как это имело место в случае с троянской легендой). Нибур признал достоверными сообщения античных авторов о существовании в Риме трех патрицианских триб: Рамнов,

¹ G. B. Niebuhr, *Römische Geschichte*, 5 Aufl., B., 1853.

Тициев и Луцеров. Но в Ромулово время среди них не было еще этрусков, потому что Луцеры, как потом и Тарквиний Приск, — это латины (стр. 168 сл., 212, 215). Далее римское население росло преимущественно за счет латинов. Таким образом, согласно Нибуру, хотя дальнейшая история царского Рима развивалась преимущественно в рамках латино-сабинской общины, на первых порах большую роль в ней играли пеласги, основной субстрат всего италийского населения. При этом, разумеется, приходится иметь в виду достаточную неопределенность этнонима «пеласги», в число которых входят и сиккулы и тиррены.

После Г.-Б. Нибура вплоть до Т. Моммзена вопрос о населении Рима рассматривался кратко, преимущественно в связи с проблемой патрициев и плебеев. Именно в этом контексте он был затронут в работе Д. Л. Крюкова «Мысли о первоначальном развитии римских патрициев и плебеев в религиозном отношении»². Как и Нибур, Крюков проводил идею об этнической неоднородности первоначального населения Рима, причем обоих сословий, так что патриции у него — латины с незначительной примесью сабинов, а плебс латины с сильной примесью этрусков (стр. 3—4).

Т. Моммзен в I томе «Истории Рима»³ уделил внимание вопросу о населении Италии. Но он исходил из полностью устаревшего теперь положения об отсутствии памятников первобытности на Апеннинском полуострове, почему и предполагал (по аналогии с Германией), что до прихода «индогерманцев» в Италии бродил охотничий народ «чуждой расы» (стр. 10). В исторически же обозримое время Италия, согласно Моммзену, — место действия индогерманцев, италиков, родных братьев греков (стр. 13—14). В Риме Моммзен, признававший синойклизм трех общин, называл древнейшими поселения Рамнов, которые были латинами. К латинам же он относил и Луцеров, а в Титиях видел сабинов (стр. 42—43). Таким образом, он считал Рим в первую очередь латинским городом (стр. 45—47). Надо отметить, что Моммзен не находил — на всем протяжении римского синойклизма — места этрускам в Риме.

В труде Целлера «Лаций и Рим»⁴ местное население римской территории охарактеризовано как латинское. Его превратили в плебс сабинские завоеватели, ставшие патрициями. К аналогичным выводам приходил и Фольквардсен⁵, считавший Рим сабинской колонией в Лации и, стало быть, видевший в латинах и сабинах древнейшие компоненты римского населения. Иную картину рисовал Куно⁶ в «Предыстории Рима». Он настолько акцентировал роль этрусков в ранней римской истории, что представлял себе Рим как колонию этрусков в латинской земле, откуда следовало, что древнейшим населением Рима были, прежде всего латины, а затем этруски.

Итак, в центре внимания названных ученых, как и их последователей и оппонентов (в числе которых надо назвать Ю. Биндера, давшего полную сводку мнений о патрициях и плебейх, в частности с точки зрения этнической их принадлежности⁷, а для более позднего времени Ф. Рибеццо⁸,

² «Прописи», IV, 1854. Ранее опубликована на немецком языке под псевдонимом Пеллегриньо: Pellegrino, Andeutungen über den ursprünglichen Religionsunterschied der römischen Patrizier und Plebeier, Lpz, 1842.

³ Th. Mommsen, Römische Geschichte, I, Breslau, 1854. Цит. по изд. Т. Моммзена, История Рима, I, М., 1936.

⁴ M. Zöllner, Latium und Rom, [s.l.], 1878.

⁵ F. Volquardsen, Die ältesten römischen Tribus, «Rheinisches Museum für Philologie», 33, 1878.

⁶ J. G. Cuno, Vorgeschichte Roms, I, B., 1878.

⁷ J. Bänder, Die Plebs, Lpz, 1909.

⁸ F. Ribezzo, Numa Pompilio e la riforma etrusca della religione primitiva di Roma, «Rendiconti della Accademia Nazionale dei Lincei», V, 1951, f. 11—12, стр. 553—573.

А. Бернарди⁹, Ж. Пузе¹⁰ и других), был все же Ромулов Рим, который не может, как теперь известно, считаться первоначальным поселением.

С конца XIX в. положение в науке меняется. В исследование древней истории все более активно включаются археологи, антропологи, лингвисты. С расширением источниковой базы расширяются и исследуемые территории — на первый план выходит Италия. Значение этих штудий для воссоздания римской истории подчеркнул В. И. Модестов во «Введении в римскую историю» (ч. I, СПб., 1902, стр. 67), давший великолепный обзор современного ему состояния науки, высоко оцененный и широко использованный Ю. Биндером¹¹, как впоследствии и А. И. Немировским¹².

Конец XIX века знаменует собой рубеж в изучении истории населения древней Италии. Оно становится предметом интереса в связи с рассмотрением «доисторических» культур. Напомним, что открытие террамар и Виллановы сказалось на изучении древнейшего Ладия и Рима. В носителях культуры бронзы Л. Пигорини и В. Гельбиг признали продвинувшихся к югу террамарцев, которые, согласно В. И. Модестову, представляли собой первую волну италиков, прибывших из-за Альп¹³. Этот народ, согласно Пигорини, вероятно именно в Ладии перешел на стадию железного века, получившего классическое выражение в Вилланове. Итальянскому исследователю возражал Модестов, относивший эту культуру к новой заальпийской волне италиков¹⁴. Исследования упомянутых ученых привлекли внимание историков к проблеме населения. Показательна в этом смысле работа И. В. Нетушила¹⁵, который подчеркивал наличие доиндоевропейского субстрата, превращенного завоевателями индоевропейцами в плебеов (стр. 4—9).

Много было сделано и в области истории населения Италии каменного века. Наряду с жилищами человека эпохи неолита, представленными пещерами и основаниями примитивных хижин, были изучены и скелеты их обитателей. Краниологические исследования выявили распространение по Апеннинскому п-ову и прилегающим островам, на территории современных Франции и Испании, а также Северной Африки неких долихоцефалов, которых итальянский антрополог Дж. Серджи назвал «средиземноморской расой», имевшей родиной Восточную Африку¹⁶. Сопоставляя результаты работ антропологов с сообщениями античной традиции, ученые сделали вывод об идентичности в указанных районах Европы средиземноморцев с лигурами. Параллельно шло изучение лигуров по лингвистическому, преимущественно топонимическим данным. Немецкий ученый Мюлленхоф и французский — Д'Арбуа де Жубенвиль склонялись к признанию индоевропейского характера лигурийского языка, в чем усомнился уже В. И. Модестов¹⁷. Позднее от понимания языка лигуров как индоевропейского стали отходить. В частности, его сближали с этрусским¹⁸. В настоящее время независимо от связей лигурийского и этрус-

⁹ A. Bernardi, *Periodo sabino e periodo etrusco nella monarchia Romana*, «Rivista storica Italiana», 1954, f. 1, стр. 5—20.

¹⁰ J. Poucet, *Recherches sur la legende sabine des origines de Rome*, Louvain, 1967; он же, *Les sabs aux origines de Rome*, «Aufstieg und Niedergang der römischen Welt», I, 1, В.— N. Y., 1972, стр. 48—135.

¹¹ Binder, *ук. соч.*, стр. 303—309, 312, 319 сл., 324, 328.

¹² А. И. Немировский, *История раннего Рима и Италии*, Воронеж, 1962, стр. 52—54.

¹³ Модестов, *Введение в римскую историю*, ч. I, СПб., 1902, стр. 146, 150.

¹⁴ Там же, стр. 154 сл.

¹⁵ И. В. Нетушил, *Обзор римской истории*, Харьков, 1912, стр. 4—9.

¹⁶ Об этом см. Модестов, *ук. соч.*, стр. 69—73.

¹⁷ Там же, стр. 78—80; Binder, *ук. соч.*, стр. 304—307.

¹⁸ U. Formentini, *Per la storia preromana del pago (pagus—tularu?)*, SE, III, 1929, стр. 65—66.

ского языков, представление о лигурах как о неиндоевропейцах преобладает, и лигуры рассматриваются как предшественники индоевропейцев в Италии¹⁹.

В преодолении взгляда на лигуров как на индоевропейцев особую роль сыграла книга упомянутого Дж. Серджи «От Альба-Лонги до Рима»²⁰. В ней на основе антропологических показаний говорится о принадлежности лигуров и близких им сикулов к «средиземноморской расе» (стр. 5). Опираясь на сохраненную Дионисием версию, согласно которой аборигены были колонистами лигив, Серджи фактически отождествляет эти племена (стр. 6). Используя накопленный лингвистический материал и исходя из признания огромного количества существующих в латинском языке неиндоевропейских, лигуро-сикулийских суффиксов (-sco, -la, -lla, -lli, -ia, -lia, -nia -a, -sa, -essa, -na, -ma, -fac -ta, -sta, -i — стр. 27, 31), он показывает широчайшее распространение лигуро-сикулов по всей Италии, включая Рим (Серджи полагает, что Ruma, может быть Roma, — лигуро-сикулийское слово — стр. 31). При этом он решает проблему древнейшего населения в духе модного в Италии 30-х годов нашего века автохтонизма, совершенно сводя на нет значение италийского элемента в ранней истории Италии и Рима. И латины и позднее умбры и самниты, по мнению Серджи, — все в основе своей лигуро-сикулы с незначительным вкраплением арийских иммигрантов. Такие представления долго бытовали у итальянских ученых и особенно настойчиво утверждались Дж. Патрони²¹.

При всех увлечениях и преувеличениях Серджи нельзя все же не отметить его интересные наблюдения, в частности, касающиеся лигурийского происхождения римской метрополии Альба-Лонги. Он отмечает, что название «Альба», чрезвычайно часто встречающееся во всех местах обитания лигуров (стр. 8—9), не имеет ничего общего с латинским словом «белая». Так, первоначальным названием Тибра было «Альбула», а обычным его эпитетом у поэтов — flavus, по красновато-бурому и вовсе не белесому цвету реки (стр. 7). Вместе с тем, топоним Альба зарегистрирован в гористых местностях, а Страбон заявляет, что Альпы ранее назывались Ἀλβία (стр. 9). Отсюда следует, что Альба-Лонга не от латинян получила свое название, к которому они добавили только вторую часть (стр. 13). Следует отметить, что сам заголовок книги Серджи весьма симптоматичен, поскольку сосредоточивает внимание читателя на доромуловом Риме. А указание на то, что римляне восприняли топоним Альба, принадлежавший более раннему населению, может служить, на наш взгляд, дополнительным аргументом в пользу мнения о лигуро-сикулах как о древнейшем элементе римских поселенцев. Это тем более вероятно, что по всей видимости, так же обстояло дело и в Мантуе²².

В книге Г. Дукати²³, стремившегося свести воедино различные достижения науки, дан эскиз картины последовательного напластования этнических единиц, начиная с эпохи каменного века в Италии. Дукати, взяв за основу «Энеиду» Вергилия, первый в полной мере осуществил принцип

¹⁹ L. Laure n z i, La civiltà villanoviana e la civiltà del ferro dell' Italia Settentrionale e dell' Europa Centrale, «Civiltà del ferro», Bologna, 1960, стр. 7, 28; M. P a l l o t t i n o, Le origini storiche dei popoli italici, «Relazioni del X Congresso Internazionale di scienze storiche», II, Firenze, 1955, стр. 10, 30; G. B o t t i g l i o n i, Reazioni di sostrato ligure nei dialetti italici, «Civiltà del ferro», Bologna, 1960, стр. 407—419; R. P a r i b e n i, Storia di Roma, I, Bologna, 1954, стр. 28; V. P i s a n i, Le lingue dell'Italia antica oltre il latino, Torino, 1953; H. K r a h e, Die Indogermanisierung Griechenlandes und Italien, Heidelberg, 1949, стр. 34—37; Н е м и р о в с к и й, ук. соч., стр. 52—54.

²⁰ G. S e r g i, Da Alba Longa a Roma, Torino, 1934.

²¹ G. P a t r o n i, La preistoria, Milano, 1951.

²² F. A l t h e i m, Der Ursprung der Etrusker, Baden—Baden, 1950, стр. 11—13.

²³ P. D u c a t i, Come nacque Roma, Roma, 1936.

«наложения» данных традиции на археологические материалы. Фигурирующих у Вергилия нимф и фавнов, «занимавшихся собиранием плодов природы и охотой» и не знавших законов. Дукати считал людьми эпохи камня, носителями мустьерской культуры, неандертальцами (стр. 33, 121 сл.). «Золотой век Сатурна» он соотносил с длительным периодом верхнего палеолита до начала века металла, т. е. энеолита (стр. 48, 125). В соответствии с палеоэтнологией, в царстве Сатурна, полагал Дукати, обитали жители пещер (одной из которых был знаменитый Луперкал), гримальдийцы (стр. 124 сл.), а также кроманьонцы (стр. 126), при переходе же к неолиту в Италии появилась третья раса, средиземноморская (стр. 127). Расцвет каменной индустрии и переход к использованию меди связывался Дукати, таким образом, со средиземноморскими лигурами и сикулами, а также сиканами и авзонами (стр. 58, 55, 54, 138, 128—130).

К более поздним потомкам нео-энеолитиков Дукати относит рутулов (стр. 134), отличавшихся (подчеркивает он) происхождением от латинов. Он обращает внимание на то, что самый этноним не имеет ничего общего с латинским словом *rutulus* (красный), но благодаря суффиксу *-uli* роднит рутулов с носителями средиземноморских языков. Немногочисленные погребения близ рутульского центра Ардеи представляют собой ингумации в противоположность преобладанию кремаций в Лации, занятом к началу железного века латинами, и опять-таки указывает на свойственный средиземноморцам обряд (стр. 59). Современниками рутулов, по справедливому мнению Дукати, не могли быть этруски, поэтому их участие в борьбе Энея с Турном квалифицируется как фантазия автора «Энеиды» (стр. 62 сл.). Упомянутых в традиции аборигинов Дукати точно не определяет. Это название могло обозначать какое-то одно италийское племя или целый комплекс предисторических народов Апеннинского п-ова, параллельный этотрам и авзонам. Последнее более вероятно (стр. 60—61). Подобное же решение предлагает Дукати и для проблемы пеласгов, связываемых античными авторами с территорией Лации. Вслед за Геллаником Лесбосским он склонен видеть в пеласагах всех выходцев из греческого мира, не бывших греками. Аналогичное положение отмечает исследователь и в традиции о тирренах, в которых он, следуя Мирсилу Лесбосскому, видит обитателей побережья Малой Азии и северных островов Эгейского моря (стр. 60).

Распространение кремаций по Италии расценивается в книге Дукати как появление новой расы. Крематоры бронзового и железного веков (чалафиттики, террамариколы и виллановианцы) — индоевропейские италийские племена латинов, умбров, венетов и т. д., северные пришельцы (стр. 136—142). Таким образом, латины, а затем и сабины в Риме — это историческая реальность, запечатленная традицией, хотя «греческое нахальство» сумело связать их истоки с греческой историей (стр. 71). Что же касается троянского происхождения Рима, тот тут Дукати настаивает на его легендарности. Авторы легенды — греки. Рим стал им известен при этрусских царях, на них произвело впечатление греческое, как им казалось, звучание имени этого города. Отсюда их стремление связать центр на Тибре с греками или троянцами. Поэт Стесихор первым «высадил» Энея на италийском берегу (стр. 16, 39, 42). Известность Рима в греческом мире в III в. до н. э. перешла в страх перед ним, породивший потом лесь городу-гегемону. Его постарались «облагородить», возвести его происхождение (через Энея, сына Афродиты, потомка Дардана) к Зевсу (стр. 43). От греческих писателей легенда была воспринята римскими. В нее верили уже Фабий, Невий и Энний, ее культивировал в Риме род Юлиев. Изображения эпизодов троянского цикла сохранились в колумбарии близ Порта-Маджоре, датируемом серединой I в. до н. э. (стр. 44—45).

Рассказы о пребывании на месте будущего Рима Эвандра и Геркулеса, согласно Дукати, тоже почерпнуты из греческого мифа, перенесенного в Италию уже после легенды об Энее (стр. 47). Истоки этого предания Дукати усматривает в творчестве того же Стесихора, предполагая, что рассказ о приходе Геркулеса в Италию был частью его поэмы «Гериониды» (стр. 46). Утверждению в римской традиции фигуры поселившегося на Палатине Эвандра, по мысли исследователя, способствовало сходство обряда Луперкалий с греческим культом Апполлона Ликейского (стр. 86). Из всех рассуждений Дукати вытекало, что римское население древнейшей до-ромуловой эпохи в основе своей было автохтонным, ассимилированным впоследствии италийскими племенами, греки же и другие выходцы с Балкан сколько-нибудь заметной роли в римском этногенетическом процессе не играли, и их участие в древнейшей истории Рима измышлено греческими эрудитами.

Археологическое наступление на Италию продолжалось из года в год, особенно усилившись после второй мировой войны. Археологические центры активизировались в каждой провинции. Далеко вперед продвинулась этрускология. Новые археологические материалы заставляли ученых пересматривать даже казалось бы совершенно прочные положения, касавшиеся этногенеза Италии, выдвигать новые проблемы. Отражение этой фазы в развитии науки нашло место и в обобщающих трудах М. Паллотино²⁴, и особенно в его докладе на X Международном конгрессе исторических наук «Происхождение италийских народов»²⁵. Богатые археологические материалы, характеризующие районы обитания известных традиций народов, Паллотино сопоставляет с лингвистической картой Италии середины I тыс. до н. э. Отсюда были сделаны важные выводы: напластование индоевропейских языков на неиндоевропейские происходило постепенно, начиная с «доисторической» эпохи до римского завоевания, процесс индоевропеизации шел через Адриатику с востока на запад, начавшись на юге Италии, — вероятно, не в виде двух больших волн италиков, разделенных между собой несколькими веками, а путем колонизаций и внедрений разных италийских ветвей одновременно (Le origini..., стр. 43). Вместе с тем, не исключаются и спорадические индоевропейские миграции в Италию с севера, т. е. из дунайско-балканских областей в Паданскую долину (стр. 44). Эта картина, отличающаяся от старой теории Пигорини — Модестова, согласуется с данными классической традиции о заселении Апеннинского п-ова италами, певкетами, моргетами, хонами, авзонами и другими племенами.

Паллотино обращает особое внимание на ту версию, которая, восходя к Антиоху Сиракузскому, представляет италов, моргетов, энотров, даже сикулов как единый народ. Взаимосвязь этих элементов выражена в легендах появлением эпонимов одного народа в качестве царя другого (Итал — царь энотров Сикул — авзонов и т. д.) (стр. 31—33). С точки зрения наших интересов очень важно то, что М. Паллотино, подытожив работу многих ученых, подчеркнул наличие разных этнических пластов у омбриков (или умбров) и сикулов. Названные этнонимы принадлежат доиндоевропейскому населению, частично покоренному и ассимилированному, частично вытесненному индоевропейцами, италиками и неиталиками. Ведь вокабулярный упомянутых индоевропейских языков изобилует неиндоевропейскими словами, особенно в области технической терминологии, а античная традиция в этом смысле двойко характеризует и умбров и си-

²⁴ M. Pallotino, *Etruscologia*, Milano, 1955, стр. 22—54.

²⁵ M. Pallotino, *Le origini storiche dei popoli italici*, «Relazioni del X Congresso Internazionale di Scienze storiche», II, Firenze, 1955.

кулов (стр. 44—46). Для нас интересно, что в науке вслед за Дионисием признано различие между сикулами-автохтонами и индоевропейскими сикулами, носителями языка, входившего в сикуло-латино-фалиссскую группу, захватившими Восточную Сицилию. Так с ходом развития науки обитание лигуро-сиколов в древнейшем Лацио, включая будущий Рим, получило новое убедительное подтверждение.

Уже в 50-е годы прозвучал отказ от бытовавшего в науке ²⁶ мнения о том, что предания об Эвандре и Геркулесе (т. е. о греках на месте возникающего Рима) обязаны своим появлением и распространением моде на греческую культуру, с которой Рим вплотную соприкоснулся в III—II вв. до н. э., и со стремлением греков связать прошлое могущественного Рима с собственным. Паллотино не исключает возможной историчности первой доколониальной иммиграции греков в Италию. Античные писатели характеризовали ее как аркадскую. Но в свете поздней микенской торговой экспансии ее надо признать делом ахейцев. Особенно примечательны некоторые связи между латинским языком и аркадо-эолийскими диалектами микенской эпохи (стр. 49—51).

Для изучения проблемы населения важными оказались работы, посвященные троянской легенде или, по крайней мере, касающиеся исследования ее корней. Наиболее характерными с точки зрения постановки вопроса или наиболее значительными в выводах нам представляются труды Дж. Кардинали, А. Альфельди и Ф. Бемера.

Кардинали в «Происхождении Рима» не сомневается в легендарности рассказа о прибытии Энея в Италию, сложившегося в эпоху Августа ²⁷. В традиционном для науки того времени духе он стремится выявить разные истоки легенды о происхождении Рима. Легенда об Энее объясняется желанием греков связать римское прошлое со своим (стр. 10). Для греков характерно то, что они непосредственно связывали троянцев с Римом (стр. 12). Внесение в легенду посредствующих звеньев, т. е. Лавиния и Альба-Лонги — это латинская версия, изобретенная в период наивысшего накала борьбы римлян с латинами (стр. 16—17). В этом тезисе уже отражаются представления о корнях легенды более ранних, чем распространение греческой культуры в Италии. А. Альфельди ²⁸ в книге «Троянские предки римлян» привел тому археологические доказательства.

Ф. Бемер посвятил троянской легенде книгу «Рим и Троя» ²⁹. Возражая Ж. Берару, считавшему сказание о скитаниях Энея отражением пеласгического движения на запад, и Ж. Перре, видевшему в нем римское творчество III в. до н. э., Бемер показал ранние, связанные с Этрурией, корни саги. Он обратил внимание на находку Джильоли в Вейях статуэтки Энея, несущего отца Анхиза, которая датируется временем не позднее начала V в. до н. э., на хранящийся в Парижской национальной библиотеке скарabei VI в. до н. э. с изображением Энея с Анхизом, держащим круглую цисту, на греческие вазы с аналогичным изображением, датируемые 530—500 гг. до н. э., обнаруженные в этрусских городах собственно Этрурии, Кампании и Северной Италии (стр. 13—18). Топографические и лингвистические данные, по мнению Бемера, также ведут исследователя в направлении Этрурии. Так, название местечка Троя в Южном Лацио, как и в Северной Италии — доиндоевропейское, а значит, восходит ко времени ранее VI в. до н. э. (стр. 20—21). Принесение ска-

²⁶ С. А. Жебелев, Древний Рим, ч. I, Пб., 1922, стр. 57; G. Cardinali, Le origini di Roma, Roma, 1949, стр. 8.

²⁷ Cardinali, ук. соч., стр. 8—9.

²⁸ A. Alföldi, Die troianischen Urhnen der Römer, Bäle, 1951.

²⁹ F. Bömer, Rom und Troia. Untersuchungen zur Frühgeschichte Roms, Baden—Baden, 1951.

зания об Энее из Малой Азии в Италию может быть объяснено отношениями этрусков с фокейцами в VII—VI вв. (стр. 38), их контактами, пусть и недружественными. Окончательно сказание сложилось в VI в. в районе Нижнего Тибра в условиях этрусско-латинской культурной общности.

Далее в книге Бемера исследуется традиция о пенатах, спасенных Энеем и перенесенных из Трои в Италию. Отталкиваясь от сообщения Варрона об отсутствии у римлян до этрусков антропоморфных изображений богов, что признано особенностью индогерманцев (стр. 68—69, 114, 115), Бемер трактует мелкую пластику ранних альбанских погребений как принадлежность или влияние доиндоевропейского, средиземноморского населения Лация (стр. 69, 78, 83). Влияние этого искусства он прослеживает в погребениях Виминала и Порто-Пероне, что истолковывает как связь Альбы с Римом (стр. 89). Основной вывод Бемера касается римской религии. Он видит в ней «три души», символически соединившиеся в сердцевине римских верований, т. е. в *penus Vestae*: это средиземноморские пенаты, круглое средиземноморского типа здание «индогерманской» богини Весты, отсутствие здесь, в соответствии с индоевропейским происхождением, ее изображений (стр. 117). Отсюда проистекают выводы и относительно сложного этнического состава населения изначального Рима — средиземноморцев и пришлых индоевропейцев. Так происходил в науке переход к изучению легенды о происхождении Рима в новом ракурсе, подводившем к этногенетическим проблемам.

Значение рассмотренного этапа в изучении проблемы древнейшего населения Италии состоит не только в установлении важных фактов, но и в переходе к принципиально новой по сравнению с началом XX в. оценке античной традиции. Вместе с тем надо констатировать, что еще к началу 60-х годов существеннейшие вопросы — об этнической характеристике аборигинов, о реальных исторических корнях сказаний, о посещении Италии Эвандром и Энеем — оставались спорными и неясными. Попытка ответить на них должна начаться с обзора античной традиции.

Древнейшие сведения о населении Италии восходят к гомеровскому эпосу. В «Одиссее» упоминаются Сикания (XXIV, 307) сикелы (XX, 383) и сикельская рабыня в доме отца Одиссея (XXIV, 388—390). Эпонимный герой латинов, царь Латин фигурирует в «Теогонии» Гесиода (1013). Вообще интерес к Италии в греческой литературе развился особенно у западных греков (Стесихор, Тимей, Ликофрон), но он был и у Гелланика Митиленского, Фукидида, Аристотеля, трагиков. Однако их сведения по интересующему нас вопросу сохранились лишь в незначительных фрагментах и у более поздних авторов. То же относится и к наиболее древним авторам — уроженцам Италии, т. е. ранним анналистам, поэтам Невию и Эннию. Сколько-нибудь полное изложение истории древнейшего, доромулова Рима, точнее, той территории, на которой потом вырос Рим, принадлежит уже писателям, жившим (за исключением лишь Катона) в эпоху Поздней Республики. Будь то римляне, будь то греки или жители других покоренных Римом стран, их сочинения входят уже в состав римской литературы в широком смысле слова.

Произведения античных авторов, откуда мы черпаем сообщения по интересующему нас вопросу, относятся к разным жанрам. Это и историки: Г. Саллюстий Крисп, Дионисий Галикарнасский, Тит Ливий, Николай Дамасский, Л. Анней Флор, Корнелий Тацит, Аппиан, Аврелий Виктор; и антиквары: Варрон, Фест, Г. Юлий Солип, Исидор Гиспальский; и эрудиты: Плиний Старший, Павсаний, Макробий; и биографы: Плутарх и Светоний Транквилл; и географ Страбон; и поэты: Тибулл, Проперций, особенно Вергилий, Овидий, М. Анней Лукан, Д. Юний Ювенал; и риторы: Г. Марий Викторин, Фемистий, Сервий Мавр Гонорат.

Следует сказать, что наиболее подробно традиция о древнейшем населении Рима и примыкающего к нему района Лация представлена у Дионисия Галикарнасского, Плиния Старшего и Макробия. Эти авторы использовали наибольшее количество источников, как латинских, так и греческих, собрали все основные варианты, преданий, поэтому и этнических названий у них более всего. Несколько меньше (причем одно и то же) число этнонимов — у Варрона, Вергилия, Ливия, Страбона, Плутарха и Аврелия Виктора. Однако в основном совпадает набор этнонимов только у Дионисия Галикарнасского и Плиния, что может свидетельствовать как о знакомстве второго с трудами первого, так и об общих первоисточниках.

Названные нами авторы сообщают о следующих племенах и народностях: абorigины, латины, греки, троянцы, пеласги, сикулы, лигии-лигуры и какие-то примитивные туземцы незапамятных времен. Если же взять показания основных — наиболее обстоятельно повествующих о древнейшем населении — писателей, то выявляется важный факт: все они у истоков римской истории непременно называют только латинов, греков и троянцев. У большинства фигурируют абorigины. Сикулы встречаются лишь у Дионисия и у латиноязычных авторов (Варрона, Вергилия, Плиния, Макробия), откуда можно сделать вывод о местном, италийском истоке сообщения о них, сверх сведений, содержащихся у Гелланика с Лесбоса (Dionys., I, 22), а пеласги — у Дионисия, Плиния, Плутарха и Макробия, т. е. у авторов хорошо знакомых с сообщениями греческих писателей, почему можно думать о греческих истоках сведений о пеласагах, прежде всего о сочинениях Мирсила и Гелланика с Лесбоса (Dionys., I, 23; 28).

В первую очередь требуется уточнить зафиксированную традицией хронологическую последовательность этнических напластований на территории Рима. Первыми поселенцами здесь, согласно Дионисию Галикарнасскому (I, 9), как и во многих других местах Италии (I, 16; 17; 20; 21, 73; Plin., N. h. III, 10, 1; Aul. Gell., N. A. I, 10, 1; Serv., Aen. I, 9), были сикулы (сикелиоты), которых он называет автохтонами (II, 1). Дионисий (I, 73) воспроизводит рассказ сицилийского историка Антиоха Сиракузского. В пору отдаленной древности, когда состарился легендарный царь Итал, стал править в Южной Италии Моргет. К нему прибыл беглец из Рима по имени Сикел. Дионисий полагает, что речь у Антиоха шла о каком-то другом древнем Риме, существовавшем до Троянской войны. Но сиракузец мог под Римом иметь в виду не какой-нибудь расположенный в другой местности город, а место, где потом возник и существовал в его время Рим. Пребывание там и бегство оттуда эпонимного героя можно истолковать как указание на обитание там и изгнание оттуда сикелов (сикулов). Следы представлений о наличии их примерно там же были уже у Вергилия (Aen. II, 317), который равнозначно употребляет этнонимы сикулов и сиканов. Его комментатор Сервий, поясняя 795-й стих VII книги «Энеиды», говорит: «где теперь находится Рим, там были сиканы». На древность обитания здесь сикулов указывает и Плиний Старший (N. h. III, 9, 4). О присутствии сикелов (сикулов) на Сатурнии, т. е. Капитолии до греков и пеласгов говорится у Макробия (Sat. I, 7).

Отметим кстати, что как Вергилий, так и Авл Гелий и Сервий не разграничивают сикелов-сикулов и сиканов. Дионисий же их различает, сообщая о переселении сикелов за три поколения до Троянской войны на ближайший остров, которым владели сиканы (I, 22). Павсаний (I, 25, 3) тоже говорит о переселении из Италии туда и сикелов и сиканов. Тем интереснее еще раз встречаемое у Дионисия имя некоего Сикела. Под его предводительством за 80 лет до Троянской войны переместились из Италии в Сицилию под натиском омбриков и пеласгов не сикелы, а лигии

(I, 22). Сообщение это заслуживает внимания, поскольку восходит к Филлисту Сиракузскому, осведомленному в сицилийских делах. Сикел — эпонимный герой, поэтому связь его с лигиями безусловно указывает на связь с ними и сикелов (сикулов). Это подтверждается также рассказом Дионисия о благодарности Геракла за почести, полученные им после убийства Кака, когда Геракл одарил правителей на большой территории лигиев (Dionys., I, 40). Ведь, по этой версии легенды, разбойник бесчинствовал именно в Лации и жил в пределах будущего Рима. Лигии, подобно сикелам, тоже занимали многие местности Италии (Dionys., I, 10; 41; 42). В качестве ближайших соседей Латина и ругулов фигурируют лигуры (лигии) и их герой-эпоним у Вергилия (Aen. X, 185; 701). Приведенные данные позволяют говорить если не о тождестве, то, по крайней мере, о близости сикулов и лигуров в античной традиции.

В качестве следующего слоя древние писатели называют аборигинов. Этот этноним требует специального внимания, поскольку по-разному понимается в науке. Именно аборигины частично истребили и изгнали из всего Лация, в частности притибрского, сикелов (Dionys., I, 9; 16). О древности заселения ими этих мест свидетельствует Варрон, приводя одно из объяснений названия Палатинского холма по Палатию, что в Реатинской земле, откуда в Рим пришли аборигины (Lil., V, 53). И историки — Саллюстий, Тит Ливий и Аппиан, — и географ Страбон причисляют их к основателям города (Sall., Con. Cat. 6, 1—2; Liv., I, 2; App., Rom. I, 1; Strabo, V, 3, 2). К глубочайшей мифической древности относит аборигинов Авл Геллий, что явствует из его выражений «Faunorum et Aboriginum saecula» (N. A. V, 21, 7), «ius Faunorum et Aboriginum» (XVI, 10, 7), указывающих на глубокую древность упоминаемых времен и установлений. Среди древнейших поселенцев Лация называет аборигинов в ряду с сикулами Плиний Старший (N. h. III, 9, 4). О том, что до Эвандра на Палатине жили аборигины, упоминают Тацит (Ann. XI, 14), Солин (I, 14) и Сервий (Aen. VIII, 51). Об их поселении в Риме до прихода Энея, сообщает, возражая Саллюстию, и Аврелий Виктор (Or. III, 7). Фест называет их древнейшим племенем Италии.

Само название «аборигины» получило уже в древности несколько объяснений. Дионисий говорит, что одни считают их автохтонами, по-гречески аборигинов можно было бы назвать родоначальниками и прародителями (γενεάρχαι καὶ πρωτογόνους — I, 10). Это толкование идет от перевода термина. Другие производили то же название от скитальческого образа жизни и связывали с ним по значению глагол «errare» (Dionys., I, 10; Fest. s. v.; Aur. Vict., Or. IV, 2). Третьи объясняли происхождение названия «аборигины» их связью с горами (ὄρη — Dionys., I, 13; Aur. Vict., Or. IV 1). В вопросе об этнической принадлежности аборигинов древние авторы весьма далеки от единства мнений. Дионисий Галикарнасский со ссылкой на Катона и Семпрония (I, 13) подчеркивает их первоначально греческую принадлежность, полагая, что они выселились из Пелопоннеса, даже более точно из Аркадии вместе с Энотром. (Dionys., I, 13; 60; 89; II). Варрон связывает их с сабинами (L. I. V, 53). Отзвук связи аборигинов с сабинским городом Котилой слышится в оракуле, цитированном у Макробия (Sat. I, 7). Аврелий Виктор приводит версию об их разноплеменном характере (Or. IV, 1). Перечисляя этимологии слова «аборигины», Дионисий Галакарнасский замечает, что все писатели, которые производят его от блужданий и образа жизни этого племени, дают повод думать, что аборигины «не отличаются от тех, кого древние называют лелегами» (I, 10). В качестве же не заслуживающей внимания версии (поскольку им употреблено выражение μηδολογούσιν) он приводит мнение о том, что аборигины — «колонисты лигиев, граничивших с умбрами» (I, 10). Согласно отрывку

из Сауфея, сохраненному Сервием (Aen. I, 6 — Peter, стр. 217), поселенцами Лация некогда были каски (т. е. «древние»), которых позже назвали аборигинами. Наиболее же настойчиво звучит в традиции мотив идентификации аборигинов и латинов. То, что со времени правления или смерти царя Латина аборигины стали называться латинами, вытекает из сообщений Дионисия (I, 9; 65), Ливия (I, 2), Страбона (V, 3, 2), Аврелия Виктора (Or. XIV, 1). У Вергилия в «Энеиде» вообще нет аборигинов, а царь Латин представляет латинов. В пользу указанного отождествления говорит и то, что легендарные цари, связанные между собой прямым родством, охарактеризованы по-разному: Фавн — обычно царь аборигинов, но у Варрона он — латинское божество (L. I. VII, 36), Латин правит то аборигинами, то латинами. В свете идентификации аборигинов с латинами интересно толкование Фестом слова «sacraui». Это те, кто изгнал лигуров. Надо принять во внимание связь sacraui с ver sacrum — обычаем, согласно Фесту, характерным для италиков. Значит, италики, в том числе латины, изгоняли лигуров, близких, если не идентичных сикулам. Но поскольку за сикулами-лигурами следовал этнический слой аборигинов, можно думать, что аборигины — это италики, т. е. в пределах Лация — именно латины.

От аборигинов отличаются другие автохтоны, какие-то «древние люди», совершенно чуждые культуре, современники Януса и Сатурна, с которыми мы встречаемся у Аврелия Виктора (Or. I, 2) и у Макробия (Sat. I, 6). (Напомним, что Дукати «заселял» царство Сатурна последовательно гримальдийцами, кроманьонцами, а также средиземноморцами — лигурами, сикулами³⁰.) Их отношение к аборигинам и другим племенам можно будет определить только при сопоставлении данных традиций с данными других категорий источников.

После аборигинов в интересующем нас ареале оказываются пеласги. Об этом ясно говорит Дионисий (I, 9; 17; 19, II, 1). Именно аборигины, владевшие тогда сикульскими землями, повинувшись оракулу, выделяют пеласгам землю (I, 19; 20). Вместе с аборигинами пеласги заселяют захваченные сикульские города (I, 20) и основывают новые. Пеласги следуют за аборигинами в ряду древних колонистов Лация у Плиния Старшего (N. h. III, 9, 4). Для точности следует заметить, что порядок перечисления племен Плинием не выдержан в хронологической последовательности. Но древность пребывания пеласгов в Лации вытекает из его сообщения с несомненностью. Из названного выше оракула, который был дан в Додоне пеласгам и приведен Макробием (Sat. I, 7) явствует, что в Риме и близ него сикелы и аборигины им предшествовали.

После пеласгов античная традиция упоминает на месте Рима греков, принесенных туда разными волнами переселений. Самый богатый материал об этом мы находим опять-таки у Дионисия Галикарнасского. Напомним прежде всего, что и аборигины (I, 13; II, 1) и пеласги (I, 13; 17; II, 1) у него — эллинского происхождения. За 60 лет до Троянской войны, по его словам, из аркадского города Паллантея прибывает Эвандр, которому царь аборигинов Фавн добровольно предоставляет холм, названный впоследствии Палатинским (I, 31). Дионисий подчеркивает, что так рассказывают «сами римляне», кроме того, он говорит, что у Кашитолия можно видеть жертвенник Карменте (в одном из вариантов предания — матери Эвандра), а у Авентина — Эвандру (I, 32). Аркадяне, сообщает писатель, «второе эллинское племя, пришедшее в Италию после пеласгов, имело общее с аборигинами поселение, основанное в самом укрепленном месте Рима» (I, 33; II, 1; 2). А «немного лет спустя после аркадцев» в Италию

³⁰ Ducati, ук. соч., стр. 124—127.

прибывает Геракл, подчинивший Иберию, и с ним — пелопоннесцы, феонеаты и эпейи из Элиды. Они обосновываются на Сатурнийском, т. е. Капитолийском холме (I, 34; II, 1). Память о Геракле сохранялась потом в Риме в приписанном ему обряде аргеев (Dionys., I, 38; Varro, L. l. V, 45) и в учрежденном в его честь культе, отправление которого сначала находилось в руках Потициев и Пинариев (Dionys., I, 41; Val. Max., I, 1, 17). В рассказе Дионисия есть любопытная деталь. Он пытается рационалистически объяснить задержку Геракла в Италии и его популярность тем, что герой помогал Эвандру с его аркадцами и Фавну с аборигинами в их борьбе против варваров лигиев (I, 41; 42). Примечательна и сравнительная точность Дионисиевой хронологии: прибытие Эвандра за 60 лет до Троянской войны, вскоре — появление Геракла, через 55 лет после его ухода исполняется 35-й год правления Латина, сына Фавна (I, 44). Все это наталкивает на мысль о прочно укоренившемся в сознании греков и римлян воспоминании о каких-то далеких, уже представлявшихся мифическими, но реальных событиях.

Кроме подробного рассказа Дионисия в античной традиции есть много упоминаний об отдельных событиях и деталях, относящихся к этой истории. Варрон одно из объяснений названия Палатина основывает на предании о прибывших из аркадского Паллантея Эвандре и его спутниках (L. l. V, 53). Последовательно «латинизирующий» историю древнейшего Рима Вергилий называет «град Эвандра» (Aen. XI, 184) и аркадцев, участвующих в событиях борьбы Латина с Турном (Aen. XI, 271; 281; 551). Комментируя его, Сервий (Aen. XIII, 51), опирающийся на авторитет Варрона, говорит, что Эвандр, «изгнав аборигинов занял те места, где сейчас находится Рим». Ливий, настроенный не менее патриотически, чем Вергилий, описывая Луперкалии, признает аркадское их происхождение. Он возводит их к Эвандру, прибывшему из аркадского Паллантея и поселившемуся на римском холме, получившем имя по его родному городу (I, 5, 1—2). О том, что Палатин был освящен аркадянином Эвандром, говорит Валерий Максим (II, 2, 9) в той части своего труда, которая посвящена древним установлениям — «De institutis antiquis». Авл Геллий, осуждая устами Фаворина увлечение архаизмом речи, иронически замечает, что такая речь подобна беседе с матерью Эвандра (N. A. I, 10, 2). Тот же мотив можно найти и в «Сатурналиях» Макробия (I, 5). Солин прямо заявляет: никто не сомневается в том, что Палатин назван по аркадцем, которые первыми создали там город (I, 14).

Макробий не упоминает Эвандра, но рассказывает о Геркулесе и об оставшихся на Сатурнийском холме (Капитолии) его спутниках (Sat. I, 7), а также о греческом обычае, введенном уже после пеласгов и Геркулеса, совершать священнодействия с непокрытой головой (I, 82), и о том, что некоторые возводят отказ от человеческих жертвоприношений к Геркулесу (I, 41). Особняком стоит мнение Страбона (V, 3, 3), который сомневается в том, что Рим был аркадской колонией, основанной Эвандром, и что Эвандр установил культ Геракла, сохранившийся до его времени в Риме, считая ответственной за эти версии римскую историографию в лице Луция Целия Антипатра.

Естественно, уже ко времени после Троянской войны все античные авторы относят прибытие в Лаций троянцев Энея. Дионисий Галикарнасский приурочивает их появление к 35 году правления Латина (I, 45). Проследившая весь путь Энея от гибнущей Трои до Лаврентского берега, писатель привлекает множество данных, исходящих от многих греческих авторов, как оставленных им безымянными, так и названных, — а именно, Софокла (драма «Лаокоон»), Менекрата Ксантия (I, 48), Кефалона, Гергития, Гегесиппа, писавшего о Паллене, Ариарайта, написавшего «Арка-

дику», аркадского поэта Агатилла (I, 48). Пользуется он и местными преданиями: о забивших около Лаврента источниках он «узнал от местных людей» (*παρά τῶν ἐγχωρίων* — I, 55). Как на верное свидетельство ссылается Дионисий и на существовавшие в его время медные сосуды, будто бы оставленные Энеем в Додоне в дар за полученный ответ оракула (I, 51) и на известные речения сивиллы, и на пифийские оракулы (I, 49). В «Римской археологии» приводится фантастическая генеалогия Энея, среди чьих прародителей были и Атлас и Зевс (I, 62), и там же со свойственным Дионисию рационализмом на основе подсчета времени, необходимого троянцам для совершения всех дел и преодоления пути в Италию, доказывается, что Лавиний был основан во втором году после исхода из Трои (I, 63). Столь же скрупулезно датирует Дионисий и альбанских царей, и основание Рима (I, 70). И хотя сам Дионисий, как уже было отмечено, всех, кроме сиколов и лигиев, определяет в конечном счете как греков, троянская их волна все же является у него последней волной переселенцев. После абorigинов и греков приходит Эней со своими троянцами в Лаврентскую область и по Ливию (I, 1, 4—5; 5, 1—2). Примерно та же последовательность этнических наслоений — у Варрона: троянцы — после абorigинов (L. I. V, 144) и греков (L. I. V, 53), в «Эпиде» Вергилия и у Тацита (Ann. XI, 14).

Итак, в традиции четко вырисовывается такая последовательность: где-то на ранних ступенях истории Италии и Лация — какие-то примитивные автохтоны, современники легендарных Януса и Сатурна, затем сикелы и лигии, абorigины, пеласги, греки Эвандра и Геркулеса, троянцы Энея.

Насколько же данные традиции подтверждаются материалами других категорий источников, добытыми в последнее двадцатилетие и какие проблемы этнической истории древнейшего Рима могут найти свое решение, а какие требуют дальнейших исследований? Ответ на поставленные вопросы связан в первую очередь с учетом прогресса археологического обследования Италии. В частности, были обнаружены черты культурной общности зоны Тосканы и Лация, начиная с эпохи неолита вплоть до начального периода железного века³¹. В связи с этим утвердился новый подход к оценке археологических культур. Лавиоза-Замботти³² отказалась от характерного для Цигорини представления о нераздельности культуры и этноса, ее представляющего. Она показала, что носителями той или иной первобытной культуры были разные племена, которые смешивались между собой.

Особая гетерогенность отличала Тоскану и Лаций эпохи раннего железа, где кульминировались волны бесконечных миграций (стр. 88). «Именно отсюда, как из эпицентра виллановианская культура иррадировала и к югу и на северо-восток к Болонье» (стр. 98). Наиболее динамичным этническим элементом раннего периода железного века Лавиоза-Замботти считает близких латинам венетов, также достигших Лация. В античной традиции они упоминаются в числе тридцати союзных народов, под именем «*Venetulani*» (Plin., N. h. III, 5, 68—70). Венеты, как и латины, практиковали кремацию. Такие специфические черты культуры Виллановы, как биконические урны, связаны с предками венетов и ведут свое происхождение из дунайско-балканского ареала (стр. 86)³³. Что же касается труположений в деревянных ящиках, известных в Риме, то они, по мнению иссле-

³¹ С. Е. Östenberg, *Luni sul Mignone. Problemi della preistoria d'Italia*, Lund, 1967, стр. 204—207.

³² P. Laviosa Zambotti, *Le origini della civiltà villanoviana secondo i più recenti interpretazioni*, «Civiltà del ferro», стр. 73—98.

³³ См. также Laurenzi, ук. соч., стр. 10, 18.

довательницы, принадлежат пришедшим сюда несколько позднее, чем крематоры, иллирийцам-янодам. Отличительным признаком иллирийской материальной культуры может служить спиральный орнамент. По-видимому спираль представляет собой схематическое изображение змеи или угря. Эпонимный герой иллирийцев Иллирий выступал в образе змеи или считался правителем угрей, так что названных животных можно квалифицировать как иллирийских тотемных. Видимо, как глухое эхо пребывания иллирийцев в Лации могут рассматриваться культ змеи в священной роще Юноны Ланувийской, а также появление змеи в культе Фавны Боны Деи. Оба культа связаны с представлениями о воздействии на производительную силу природы³⁴. Это указывает на глубочайшую их древность. Предки латинов и венетов, т. е. протолатины и протовенеты, а также иллирийцев, засвидетельствованные в Лации начала эпохи железа, внедрялись в зону Тосканы и Лация в эпоху развитой бронзы. Там они застали более отсталое и редкое население, жившее в условиях энеолитической культуры. Эти первобытные племена Лавиоза-Замботти называют палеоиндоевропейцами балканского же происхождения, или тирренами, которых Де Франчиши считает носителями азиатического языка³⁵. На правобережье Тибра в их среду, уже значительно разбавленную латинами и венетами позднее влились более развитые восточные иммигранты, что в конечном счете привело к образованию исторических этрусков³⁶ (стр. 87—89).

Таким образом, результаты современных археологических исследований позволяют говорить о том, что в районе Тосканы и Южного Лация (т. е. именно там, где находится Рим) в период энеолита и до начала железного века обитали тиррены, по-разному интерпретируемые учеными, и подтвердить наличие там с эпохи бронзы латинов, венетов и потом иллирийцев, считающихся выходцами из балкано-дунайских областей.

Особое значение для нас имеет установление факта заселения собственно римской территории в период энеолита и бронзового века. Ведь до недавнего времени в представлениях ученых об ее этническом развитии от мустьерской до железной эпохи был зияющий пробел. Положение изменилось с конца 50-х годов нашего века. При раскопках под руководством А. М. Колини, при участии С. Пульизи и Э. Гьерстада на Форум Боариум в районе храмов Фортуны и Матери-Матуты была найдена керамика апенинского типа, относящаяся к бронзовому веку³⁷. Э. Гьерстад сопоставил эти материалы с наличием на Палатинском холме пещер (в частности Луперкала), а также с традиционными обрядами, вошедшими в религиозную практику римлян, и заключил о существовании здесь древнейших поселений, относящихся к 1600—1500 гг. до н. э. Гьерстад опубликовал также находки Нардони, сделанные при строительных работах в районе Кастро Преторियो на Эсквилине, которые оказались еще древнее палатинских, так как восходили к эпохе халколита. Необходимо обратить внимание на столь высокую датировку, на которой настаивает Э. Гьерстад, не склонный к «длинной» хронологии. Чрезвычайно важно, что среди осколков апенинской посуды близ Сан-Омобона находят черепки более изящных сосудов, восходящих к позднемикенскому времени.

³⁴ P. De Francisci, *Primordia civitatis, Roma, 1959, стр. 235 сл.*

³⁵ Там же, стр. 51, 52.

³⁶ Laviola Zambotti, *ук. соч., стр. 87—89.*

³⁷ E. Gjerstad, *Legends and Facts of Early Roman History, Lund, 1961, стр. 6—8; H. Müller-Karpe, Zur Stadtwerdung Roms, Heidelberg, 1962, стр. 78; S. Moscati, Archeologia mediterranea, Milano, 1966, стр. 226; M. F. Squarciapino, Rassegna, «Studi Romani», 1969, № 2, стр. 135; G. Ioppolo, I reperti ossei animali nell'area archeologica di S. Omobono (1962—1964), «Rendiconti della Pontificia Accademia Romana di archeologia», 1972, стр. 3—5, 17.*

Весьма существенным представляется также изучение прибрежной полосы Лация. Раскопки середины 60-х годов в Пратика-ди-Маре на месте древнего Лавиния, проведенные Ф. Кастаньоли³⁸, благодаря открытой там керамике XII—XI вв. до н. э. показали несостоятельность мнения о позднем заселении этого места. Теперь можно говорить, что тут существовало поселение уже в конце бронзового века. Конечно, город с развитой архитектурой появился здесь, судя по домам и алтарям, в VI в. до н. э. К IV в. до н. э. относится обнаруженный в нем героон, который находится к юго-востоку от вытянувшихся в линию алтарей. Найденная ранее в районе Лавиния надпись IV в. до н. э. с посвящением лару Энея³⁹, говорящая о культе этого героя, позволила связать с Энеем и героон. Внутри каменной ограды кургана видны целла и пронаос героона, на полу которых найдены вазочки и фрагменты кратеров IV в. до н. э., что служит основой для датировки этого сооружения. Правда, тут же имеется и поздняя (III в. н. э.) могила, и более древние (так как героон покрывает богатую могилу VII в. до н. э.⁴⁰) вещи.

П. Соммелла поднял вопрос о том, почему именно в IV в. до н. э. в Лавинии получил развитие культ Энея. По его мнению, это было связано с политикой укрепления положения Рима среди латинских городов посредством подчеркивания его генетической связи с ними. Ведь латинские *sacra principia* после 338 г. до н. э. были идентифицированы в Риме с культом пенатов, доставленных Энеем в Лавиний (стр. 73). П. Соммелла подчеркнул также значение лавинийского кургана для дискуссии о происхождении легенды об Энее. Он высказал остроумное соображение о том, что первоначально в лавинийской зоне существовал культ местного родоначальника, безличного божества индигета, подобно тому как это было в других местах. С этим культом и была связана богатая подкурганная могила VII в. до н. э. В IV в. до н. э. курган был реконструирован. Там возник героон Энея, чей образ был слит с отцом-индигетом (стр. 74). Таким образом, лавинийские находки выделили новую фазу формирования сказания об Энее и вместе с тем показали, что в нем сохранились воспоминания об основании на месте Лавиния поселения восходящего к концу бронзового века, а также о возможной высадке чужеземцев в устье Нумика, идентифицированного с рекой Фоссо.

Для решения интересующей нас проблемы важны не только достижения в археологическом изучении собственно Италии, поскольку Апеннинский п-ов составляет часть Средиземноморского мира. Необходимо учесть и результаты археологического освоения Эгейды, заметного уже в период между двумя мировыми войнами. Весьма интересны наблюдения П. Де Франчиши над аналогами древнеримского фетиша *ancile*. Подобные двудольные щиты встречаются на хеттских изображениях Тешуба, на кносской печати, на украшениях из Микен и Пилоса, на микенском ритоне. Это привело Де Франчиши к мысли о средиземноморских корнях столь почитаемой в Риме реликвии, о давних связях Италии с эгейским культурным кругом⁴¹.

Проблема микенской торговой экспансии вела ученых по пути исследования Италии и ближайших к ней островов. Большой материал собран

³⁸ F. Castagnoli, I luoghi connessi con l'arrivo di Enea nel Lazio, «Archeologia classica», 1967, № 19, f. 2; Л. С. Ильинская, История и культура античной Италии и Рима в свете археологических открытий последнего десятилетия, ВДИ, 1973, № 2, стр. 175—177.

³⁹ A. R., Cronache e commenti, «Rivista di Filologia e di Istruzione classica», N. S. 38, 1960, f. 1, стр. 98.

⁴⁰ P. Somella, Heroon di Enea a Lavinium. Recenti scavi a Pratica di Mare, «Rendiconti della Pontificia Accademia Romana di archeologia», 44, 1972, стр. 47, 59.

⁴¹ De Francisci, ук. соч., стр. 446.

в книгах В. Тейлур «Микенская керамика в Италии и прилежащих районах»⁴² и Ф. Бианкофьоре «Микенская цивилизация в Южной Италии»⁴³. Находки микенской керамики доказали интенсивность контактов между греческим миром и Южной Италией, Сицилией, Липарскими островами и Искьей, причем островные находки, особенно сицилийские, богаты и бронзой⁴⁴. Самые ранние вещи обнаружены в Сицилии и на Эолийских островах. Они восходят к концу среднеэлладского периода, т. е. к первой половине XVI в. до н. э. Активность проникновения микенцев на запад может быть объяснена тем, что Восточное Средиземноморье было им в ту пору недоступно, так как находилось в сфере влияния Крита⁴⁵. Расцвет микенской торговли и с Востоком и с Западом приходится на позднеэлладский период, именно на микенский IIIA (по Фурумарку), т. е. на время около 1400 г. до н. э. Много фрагментов этой керамики найдено и в собственно Италии, в районе Тарента, в Скольо-дель-Тонно (стр. 183).

Этот район, судя по находкам, был местом непрерывных контактов с эгейской цивилизацией вплоть до Великой греческой колонизации⁴⁶. Возможно, именно через Тарент шел торговый обмен между Северной Италией и Эгейдой. Об этом свидетельствуют находки позднемикенского кинжала с ребристым лезвием в палафите Пескьере⁴⁷ и литейной формы топора террамарского типа в Микенах, а также фрагментов микенских сосудов в Сан-Козимо, лежащем между Тарентом и Брундизиумом, — возможно, остановкой на пути с Балкан через Адриатику к Таренту, важному посредническому пункту в торговле. Одной из станций на морской дороге мог быть и Гаргано, где обнаружены смычкообразные фибулы⁴⁸. Эти бронзовые фибулы имели хождение по Эгейскому миру между 1300 и 1200 гг. до н. э.⁴⁹ Микенские традиции на юго-востоке Италии оказались чрезвычайно стойкими и пережили микенскую эпоху⁵⁰. Вся Апулия была важной областью связей с раннегреческим миром еще в среднеэлладское время⁵¹. Потом там временами преобладало то родосское, то кипрское влияние, но в Скольо-дель-Тонно археологически засвидетельствовано микенское поселение⁵². Однако острова играли не меньшую роль. Интерес микенцев к Липарам может объясняться обилием там обсидиана, а к Искье — стремлением приблизиться через Кампанию к металлам Тосканы. Искья всегда была удобной остановкой в плаваниях к Центральной Италии. Найденная в Монте-Салла чаша местного производства свидетельствует о греческом влиянии на декор уже в среднеэлладскую эпоху. Оно усилилось к началу микенского периода, особенно в Сицилии, а в формах ваз и в строительстве могил — именно в Тапсе⁵³. Две статуэтки микенского производства, найденные в Палермо, позволили поставить вопрос о микенской колонии (вернее эмпории) на этом острове⁵⁴. Таким образом, в науку прочно вошло положение о доколониальной фазе греческой экспансии в Италию⁵⁵.

⁴² W. T a y l o u r, *Micenean Pottery in Italy and Adjacent Areas*, 1958.

⁴³ F. B i a n c o f i o r e, *La civiltà micenea nell'Italia Meridionale*, I, Roma, 1963.

⁴⁴ T a y l o u r, ук. соч., стр. 3—4; B i a n c o f i o r e, ук. соч., стр. 5.

⁴⁵ T a y l o u r, ук. соч., стр. 182.

⁴⁶ Там же, стр. 185.

⁴⁷ L a u r e n z i, ук. соч., стр. 8.

⁴⁸ T a y l o u r, ук. соч., стр. 186.

⁴⁹ L a u r e n z i, ук. соч., стр. 8.

⁵⁰ T a y l o u r, ук. соч., стр. 5.

⁵¹ B i a n c o f i o r e, ук. соч., стр. 24.

⁵² T a y l o u r, ук. соч., стр. 5, 185; B i a n c o f i o r e, ук. соч., стр. 104.

⁵³ T a y l o u r, ук. соч., стр. 183.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ B. D' A g o s t i n o, *Grecs et «indigènes» sur la côte Tyrrénienne au VII siècle: la transmission des ideologies entre élites sociales*, «Annales», 1974, № 1, стр. 3—20.

60-е годы внесли существенный корректив в наши представления об оживности микенцев в Тирренском море. Искья перестала быть самым северным пунктом находок микенской керамики в Италии. Благодаря раскопкам, начатым в 1960 г. Шведским институтом классических исследований совместно с Управлением древностей Южной Этрурии, был изучен родок Луни на реке Миньоне. Он находится примерно на одной трети пути из Тарквиний в Витербо. Археологи вскрыли здесь поселения как на рополе, так и у подножия возвышенности (совр. Тре-Эричи), и некрополи, существовавшие в этих местах с неолитической эпохи до раннего железного века включительно. Наиболее существенно в связи с нашими интересами, что материалы апеннинской культуры (т. е. бронзового века) Луни имеют неоспоримые точки соприкосновения с римским материалом района Сан-Омобон⁵⁶, а также из других селений, например Пьянтано и находившихся к югу от Чивиттавекия. Это подтвердило тезис о культурном единстве зоны Тосканы и Лация в тот период.

Сравнительное изучение материальной культуры позволило К. Е. Эстенбергу (стр. 241), работавшему в Луни, уточнить хронологию для Лация, Умбрии и Южной Тосканы периода бронзы:

древнеапеннинская культура:	1600? — 1400 гг. до н. э.
среднеапеннинская	» : 1400 — 1100 »
позднеапеннинская	» : 1100 — 850/800 »

Это уточнение важно, поскольку непосредственно касается и Рима. Среди находок в Луни исключительное значение имеют пять фрагментов, принадлежащих разным глиняным сосудам, которые не относятся к апеннинскому кругу (стр. 128, 245). Эстенберг при консультации Фурумарка определил эти фрагменты как микенские. К сожалению, незначительные размеры и малочисленность фрагментов не дают возможности точно сказать, где именно произведена была посуда. По всей вероятности, в разных местах, так как глина у всех — не одна и та же. Лишь один фрагмент — безусловно греческий, за что говорит зеленоватая глина Арголиды. Другие могли быть изготовлены в микенских стоянках Южной Италии (стр. 145). Черепки разновременны — микенских IIIA₂ — IIIB — IIIC периодов, что соответствует среднеапеннинскому периоду зоны Тосканы и Лация. Их разновременность и отсутствие микенских следов между Луни и местами микенских находок на юге Италии, включая острова, могут свидетельствовать о спорадичности микенского импорта в этом районе, а также о вероятном пути его из Тарента или Искьи, либо через Искью вдоль побережья Лация до пункта, параллельного Луни, вероятно устья реки, например Миньона (стр. 246, 249).

Эстенберг делает обоснованное предположение о том, что греческие сосуды были привезены греками на греческих кораблях, поскольку экономический потенциал апеннинской Италии не был достаточным для международной морской торговли. Греческий торговый корабль, обнаруженный подводными археологами у Капо-Гелидония, датированный 1200 г. до н. э., дает представление о микенских судах, ходивших на запад. Это — небольшое судно (стр. 249). Сравнительно скромные достижения апеннинцев в области экономики поставили исследователей перед вопросом о том, что могло заинтересовать микенских торговцев в Италии: вряд ли это была медь при наличии более близкой и более легко добываемой на Кипре, возможно — квасцы, залежи которых, как показывает топонимика (Алькомьере), имели место в Тоскане. Греки могли вывозить из Италии также рабов (стр. 251—252). Эстенберг осторожен в выводах. Он не считает воз-

⁵⁶ Östenberg, ук. соч., стр. 206.

возможно говорить о пяти фрагментах из Луни как о доказательстве греческой миграции в эту зону. Ученый возражает и против того, чтобы на основе сопоставления этих осколков с материалами из района Сан-Омобонно связывать лунийские находки с легендой об Энее (как это делает Дорн), но он справедливо подчеркивает значение микенской торговой экспансии для культурного развития Апеннинского п-ова, хотя в полной мере греческое влияние сказалось в Центральной Италии позднее, уже в период железного века (стр. 253 сл.).

Наряду с археологами, учитывая их достижения, продвинулись в изучении древнего Средиземноморья и лингвисты. Особенно оживилась эта работа в связи с открытием Чадвика и Вентриса. Несомненные свидетельства ранних связей Италии с Эгейдой увидели в эгейском происхождении апулийских топонимов, таких, как Otranto, Tarentum, Brundisium. В микенской лексике обнаружили италийские слова, такие, как Me-ta-ra пилосских надписей, быть может, связанные с Метапонтом, или *bretijo* — с Βρέτιος⁵⁷. Особое же значение следует признать за работами Э. Перуцци, поскольку он использовал успехи названных наук в изучении древнейшего Рима.

Специальную статью исследователь посвящает заимствованиям от микенских греков⁵⁸ в латинском языке. В частности, он обращает внимание на то, что три латинских слова, вопреки правилу перехода греческих β и π в латинские b и p, обнаруживают соответствие: *burrus* ~ πυρρός (красный, рыжий), *buxus* ~ βύξος (бук-самшит), *carbasus* ~ καρπασός (лен), т. е. b ~ π, и доказывает, что названное явление может быть связано не с заимствованием латинского и греческого из общего средиземноморского языкового субстрата, а латинского — из микенского. По крайней мере названные слова были уже известны в эпоху, синхронную микенской. Доказательство ведется с помощью лингвистических методов с углублением в историческую ситуацию жизни слов, что характерно для Э. Перуцци. Так, он указывает на то, что данные три слова, обозначающие предметы импорта, несомненно принадлежат к «путешествующим словам». Такими же способами доказывается происхождение *tubus* < τῦβος (полый ствол) (стр. 11—14) и т. д.

Одна из работ Э. Перуцци носит примечательное название: «Микенцы на Палатине»⁵⁹. В античной традиции об Эвандре он вслед за О. Группе подчеркивает то обстоятельство, что начала Рима самими римлянами связывались с Паллантием, ставшим уже незначительной Тегейской деревенькой. Эта непрезентабельность местности должна указывать на какое-то историческое зерно (стр. 311). Кажущуюся несообразность того, что «континентальные» аркадцы, не имеющие флота, прибыли морем в Лаций, Перуцци опровергает ссылкой на Гомера, у которого жители Аркадии отправились под Троию вместе с аргивянами на аргивских кораблях. Поскольку выселение Эвандра связывается традицией с голодом, можно видеть намек на *veg sacrum* — выселение, предпринятое вместе с аргосцами, располагавшими флотом, поскольку, по словам Солина, командовал прибывшими Катилл из числа аргивской молодежи (стр. 313). Именно с миграциями этого периода, напоминает Перуцци, связывают источники наиболее древнее обозначение греков в латинском языке — «аргеи». «Аргивяне» — более поздний вариант (стр. 314).

⁵⁷ Biancofiore, ук. соч., стр. 110 сл.

⁵⁸ E. Peruzzi, *Prestiti micenei in latino*, «Studi Urbinati», N. S., V., 1973, suppl. ling. I, стр. 7—60.

⁵⁹ E. Peruzzi, *I micenei sul Palatino*, «La parola del passato», 1974, f. 158—159, стр. 309—349.

По справедливому замечанию исследователя, Эвандр должен был причалить в уже ранее известном ахейским грекам регионе, вероятно затропутом микенской торговлей непосредственно или опосредованно. Подтверждение этому он с правом находит во фрагментах микенской керамики, обнаруженной как в Луни-суль-Миньоне Mignone (датируемых III в микенским периодом, т. е. 1300—1230 гг., и описанных К. Е. Эстенбергом), так и в Риме в районе Сан-Омобано (стр. 316, 319).

Само имя Эвандра, как доказывает Перуцци, — микенское в обоих своих элементах. Действительно, у Аполлодора в числе, так сказать, побочных детей Приама назван Эвандр (III, 12, 5). В табличках линейного письма В встречаются антропонимы, начинающиеся с ευ : e-u-da-mo (εὐδαμος); e-u-me-ne (εὐμήνης). В микенских же табличках засвидетельствованы имена собственные па -ανδρα: ke-sa-da-ra (Κασάνδρα); a-re-ka-sa-da-ra (Ἀλεξάνδρα) (стр. 316—317). Нельзя не принять во внимание соображение Перуцци о том, что Палатинская колония Эвандра должна была просуществовать недолго. Причиной этого могло быть либо падение значения микенской торговли в конце II тыс. до н. э., либо переход греков в более перспективное место Лация, например, в Альба-Лонгу, среди населения которой, по Дионисию (II, 2, 2), были пеласги, аркадяне, эпей. Весьма убедительным доводом в пользу присутствия греков в Лации в доколониальное время может служить греческое происхождение некоторых латинских слов, обязанное культурному влиянию колонистов. В числе этих слов — *capula* (культовый сосуд), *cassis* (каска, шлем), *cuspis* (острие, копье) (стр. 326, 327), *capula* (сосуд) — от микенского *skapula* (стр. 333) и др. Слова эти немногочисленны. Частично это можно отнести за счет недостаточной нашей осведомленности в области микенского словаря. Но вероятно и другое: Лаций XIII в. до н. э. был еще не способен воспринять и ассимилировать высокую микенскую цивилизацию (стр. 346—347). Необходимо, говоря о данной работе Перуцци, отметить также, что он делает весьма осторожный и вместе с тем перспективный с точки зрения использования латинского языка в качестве исторического источника вывод. Поскольку точно не известен диалект, на котором говорили в Лации в XIII в. до н. э., то надо ограничиться констатацией того, что *s* перед консонантом исчезает в латинских словах, происходящих от греческих, восходящих к микенской эпохе (стр. 335).

Свои наблюдения над микенской лексикой Э. Перуцци применяет к изучению традиции о «культуртрегерстве» Эвандра. Этому посвящена его статья «Микенская агрикультура в Лации»⁶⁰. Сообщению Аврелия Виктора (Or. 5, 3) о том, что Эвандр первым в Италии запряг волов для обработки земли, он находит подтверждение в многочисленных упоминаниях быков в микенских текстах линейного письма В в виде идеограмм как быка вообще, так и с различием пола животных. В этих текстах встречаются и упряжки быков. На значение их в микенском сельском хозяйстве может указывать слово *εργυρος*, обозначающее человека, приставленного к воловьей упряжке (стр. 164—166).

Перуцци устанавливает греческое, именно микенского времени, происхождение некоторых латинских слов из сельскохозяйственного обихода. Отталкиваясь от того, что микенское слово *Zeugos* имеет два значения — пара (упряжка) и мера площади (стр. 166) — и от свидетельства Аврелия Виктора (Or. 5, 3) о том, что Эвандр получил от Фавна немало земли для обработки, которую разделил между своими спутниками, он ставит проблему влияния аркадян на агрикультуру Лация XIII в. до н. э. По его

⁶⁰ E. Peruzzi, *Agricoltura micenea nel Lazio*, «*Minos*», N. S. 14, f. 1—2 (1975), стр. 164—187.

мнению, указанный пассаж Аврелия Виктора позволяет думать, что аркадские греки ввели в Лации пахотное хозяйство, которого не знали аборигины. Но в таком случае в латинской сельскохозяйственной лексике было бы много грецизмов, чего сказать все же нельзя. Поэтому более вероятно, что вклад Эвандра состоял в развитии, в усовершенствовании местной аграрной техники (стр. 171—172). Отрицая «сабинскую» или «италийскую» этимологию слова *lupus*, Перуцци объясняет лингвистически название *Lupercales* как *Arcades lupi* (стр. 179—181), что является дополнительным аргументом в пользу достоверности рассказа об Эвандре, поскольку ему приписывается введение этих священнодействий.

Работы Э. Перуцци показывают плодотворность лингвистических изысканий для уточнения наших представлений о римской истории, и этническая картина древнейшего Рима на современном уровне без учета его работ создана быть не может.

Подводя итог нашей работе, нужно в первую очередь сказать, что новейшие археологические и лингвистические исследования подтвердили достоверность античной традиции о населении древнейшего Рима как в общих чертах, так и в некоторых ее деталях, относимых до недавнего времени к области поэтической фантазии. Можно с полной уверенностью говорить о сикулах, ветви лигурийских племен, как об обитателях не только Италии, но и будущей римской территории в нео- и энеолитическую эпоху. Они строили примитивные хижины наподобие тех, что открыты в соответствующих слоях поблизости от Рима в Луни на реке Миньоне, или использовали для жилья естественные пещеры, каких немало было и на римских холмах. Археологически засвидетельствованная материальная культура вполне соответствует первобытному облику лигуро-сикулов, автохтонов греческой традиции и тех, кого латинские авторы называют современниками Сатурна. Вергилий и Микробий упоминают отдельно сикулов и «примитивных» уроженцев Лация. Дионисий (I, 19) приводит текст оракула, полученного пеласгами в Додоне, где говорится о «Сатурнской земле сикелов». Так что это, видимо, одно и то же сикульское население, но на разных ступенях развития (т. е. неолит и энеолит). Можно сказать, что идентификация П. Дукати жителей Сатурнии, т. е. сынов Сатурна, с лигуро-сикулами подтвердилась. Но включение им в Сатурново царство носителей культуры палеолита, на наш взгляд, сомнительно. Воспоминание об этом населении, скорее, должно было отразиться в представлении о времени Януса.

Современники Януса и Сатурна порой определяются термином *indigenae* (Aur. Vict., Or. III, 1; Macr., Sat. I, 7). Но эти автохтоны (вопреки взгляду Ю. Биндера⁶¹) определенно отличаются в традиции от аборигинов, фигурирующих как у латинских, так и у греческих авторов. Название «аборигины» может дать повод считать их тоже автохтонами. То обстоятельство, что они — родоначальники латинов, да еще сродни сабинам, указывает, по нашему мнению, на их принадлежность к италикам в широком лингвистическом смысле этого слова, которые появились в Италии в период бронзового века, к носителям апеннинской культуры.

Современная наука доказала, что археологические культуры не были достоянием одного какого-нибудь народа. Среди апеннинцев на почве Лация могли быть одновременно и протолатины, и сабины, и сикулы. Одно время италики и сикулы сосуществовали. Об этом свидетельствует наличие сикулов в ветви италоязычных народов. Очевидно, это была та часть италиков, которая в пределах Центральной Италии ассимилировала лигуро-сикулов, приняв их название (аналогично тому, что произошло

⁶¹ Binder, ук. соч., стр. 298.

в Малой Азии с неситами и протохеттами). Затем италики — сикулы продвинулись к югу и переправились на Сицилию, дав острову свое имя, где им противостояли неиндоевропейцы сиканы. В эпоху римского господства и сикулы и сиканы порой обозначали просто сицилийцев, оба термина употреблялись однозначно.

Италики — пришельцы из Дунайского ареала. Быть может, глухим отголоском воспоминаний о давних миграциях является и одно из объяснений этнонима *Aborigines* — от скитаний, столь противоречащее основному смыслу объясняемого слова. По-видимому, это обросшее потом ложной ученостью представление идет от греческих писателей. Но римско-латинская патриотическая историография, по крайней мере с Катона (*Serv.*, *Aen.* I, 6), стремилась утвердить за римлянами-латинами ореол исконных жителей, первых как в доблестях, так и в древности заселения Рима, его истинных создателей. Отсюда — идентификация их с аборигинами. Придание слову *Aborigines*, по сути синонимичному с *indigenae*, *indigites*, особого, этнического значения (если оставить в стороне искусственное образование этого слова) связано с определенной политической тенденцией, последовательно проводившейся Римским государством. Античные авторы говорили, что аборигины стали называться латинами, но, как представляется, дело обстояло иначе — латинов стали называть аборигинами. Нам кажется неосновательным видеть в аборигинах иллирийцев, как это делает Ф. Лохнер-Хюттенбах⁶² на базе отождествления аборигинов с *Ῥορείουχοι*: у Ликофрона. В последнем этнониме ученый выделяет иллирийский корень *boro* (гора, скала) и ссылается на связь энотров с иллирийцами. Но Энотр, согласно традиции (*Dionys.*, I, 11), — ахеец, а не иллириец.

В свете новейших археологических и лингвистических данных следует отказаться от категорического отрицания пребывания греков в Лации в доколониальный период. Даже для Южной Италии и Сицилии в нашей науке до недавнего времени допускалось лишь «знакомство» с ними греков⁶³. Однако археологически засвидетельствованное микенское поселение в Скольо-дель-Тонно⁶⁴, а также следы эгейских поселенцев на понийском и тирренском побережье Сицилии⁶⁵ с полной определенностью позволяют говорить о первом заселении этих мест ахейскими греками. Присутствие микенцев на юге полуострова и в Сицилии, микенские предметы в Луни делают вероятным и пребывание микенцев в Лации, а осколки позднемикенских сосудов среди апеннинских в районе Сап-Омобон подтверждают и предположение К. Э. Эстенберга о наличии микенской стоянки на побережье Лация. Местом этого опорного пункта микенских греков был Рим. В связи с этими данными проясняется значение такого факта, как упоминание в гомеровском эпосе рабыни сикулийского происхождения. Можно думать, что появление ее в доме Лаэрта объясняется контактами ахейцев не только с Сицилией, но и с Италией.

Краткий, но стойко укоренившийся в памяти древних рассказ о греках Эвандра и Геркулеса на притибрских холмах получил археологическое подтверждение. Наблюдения Э. Перуцци над греческими этимологиями латинских слов культурного, т. е. хозяйственного и религиозного обихода, восходящими к доалфавитному греческому языку, показали относительную стабильность и длительность пребывания микенцев в Риме. Все это позволяет нам поддержать предположение о попытке создания

⁶² F. L o c h n e r-H ü t t e n b a c h, *Die Pelasger*, Wien, 1960, стр. 171 сл.

⁶³ Н е м и р о в с к и й, ук. соч., стр. 185.

⁶⁴ T a y l o r, ук. соч., стр. 5, 185; V i a n s o f i o g e, ук. соч., стр. 104.

⁶⁵ Л. С. И л ь и н с к а я, Проблемы греческой колонизации Сицилии в свете археологических исследований последних 25 лет, ВДИ, 1976, № 2, стр. 168.

ахейской апойкии, пополнявшейся за счет новых миграций, как о том свидетельствует сказание о приходе Геркулеса и его борьбе с Каком. Разумеется, колония эта не была сильной и, видимо, с падением ахейской мощи в метрополии постепенно сошла на нет. Но все-таки это была скорее колония, а не место спорадических визитов. Конечно, большого этногенетического значения микенцы для Рима не имели, однако свой след в языке и религиозных установлениях оставили. Греческое присутствие на месте древнейшего Рима внесло свою лепту в сложный состав его первоначального населения.

Далеким от точного решения остается вопрос о пеласагах в Риме. Его трудность зависит прежде всего от неоднозначности определения этнической принадлежности пеласгов. Материалы и исследования, касающиеся пеласгов, тщательно собраны в упоминавшейся выше книге Ф. Лохнера-Хюттенбаха. Ученые видели в них то семитов, то выходцев из Индии, то предков поляков, то финнов, то вообще нереальный народ. Их язык определялся одним вслед за Кречмером как доиндоевропейский языковый субстрат Эгеиды (у нас такого мнения придерживается А. И. Немировский⁶⁶), а другими, начиная с В. И. Георгиева, — как догреческий, но индоевропейский, относящийся к группе сатэм⁶⁷.

Античные авторы приписывают пеласагам широчайшее распространение по всей Эгеиде, а их сосуществование в Италии с аборигинами дает повод думать, что они появились там в эпоху бронзы, но — в соответствии с традицией — несколько позже, чем аборигины, т. е. латины, может быть, уже в конце бронзового века. Это обстоятельство побуждает нас воздержаться от отождествления пеласгов и палеоиндоевропейцев, тирренов, чье присутствие замечают итальянские археологи на полуострове до прихода латинов и венетов. К сожалению, памятников материальной культуры пеласгов в Италии нет или, осторожнее будет сказать, они не выделены из массы апеннинских остатков. Это связано, очевидно, с тем, что позднее пеласги исчезли с итальянской арены и, нигде не образовав компактной группы, не оставили по себе следа в названии какой-нибудь области, подобно другим этническим элементам в Италии. Наиболее осведомленный исследователь Лохнер-Хюттенбах категорически отделяет пеласгов от тирренов, полагая, что их смешивали из-за возможного обитания тех и других в Малой Азии, и склоняясь к мнению о пеласагах как об одном из иллирийских племен⁶⁸. Он приводит много тому доказательств, особенно из области ономастики и топонимики. Так, известные по «Илиаде» Гомера или по Гелланику и Аполлодору пеласги носят имена Теутамос, Теутамиас, объяснимые из иллирийского языка; название Додоны, центра пеласгического культа Зевса, — иллирийского происхождения (стр. 152, 156, 157), сам додонский оракул связан с культом дерева, поэтому имеет иллирийский характер (стр. 180), наконец, иллирийцы встречаются, в тех местах, где традицией прочно фиксированы пеласги (стр. 178).

Все же рассмотренная концепция не представляется нам вполне убедительной. Более правдоподобным кажется принимаемое А. И. Немировским основанное на традиции мнение Де Кара о том, что в Италии пеласагами называли всех выходцев с Балканского п-ова не греков. Следует, однако, заметить, что А. И. Немировский, включая в пеласгов яшигов⁶⁹, тут же впадает в противоречие, поскольку, как и Х. Краэ, считает пеласгов неиндоевропейцами, а яшиги, как известно, иллирийского корня —

⁶⁶ Немировский И., ук. соч., стр. 52.

⁶⁷ L o c h n e r - H ü t t e n b a c h, ук. соч., стр. 135—137, 94—98.

⁶⁸ L o c h n e r - H ü t t e n b a c h, ук. соч., стр. 180.

⁶⁹ Немировский И., ук. соч., стр. 52.

значит индоевропейцы. Все то, добавим при этом, что считается пеласгическим языком, теперь прочно признается индоевропейским⁷⁰.

В свете этого наличие яшигов среди пеласгов вполне допустимо. Но вряд ли следует причислять к пеласгам только одних иллирийцев. Поскольку пеласгический язык близко родственен фракийскому⁷¹, можно думать, что к пеласгам относили прежде всего фракийцев. Таким образом, пожалуй, позволительно присоединиться к Де Каре и принять, что под пеласгами скрываются балканские эмигранты негреческого происхождения, прибывшие в Италию в период бронзового века. Неясность их портрета не может служить основанием для исключения пеласгического элемента из состава древнейшего римского населения.

Что же касается иллирийцев, то так или иначе они с конца II тыс. до н. э. обитали в Италии в ее центральных областях, в том числе и в Лации, наслоившись соответственно на оско-умбров и латинов⁷². Здесь необходимо сделать оговорку относительно пребывания иллирийцев в латинских землях начала железного века. До середины текущего столетия венетов считали иллирийцами, поэтому в упомянутых Плинием «Venetianis» видели доказательство наличия иллирийского населения в Лации. Теперь же венетский язык признан самостоятельным итальянским языком, близким латинскому⁷³. Но иллирийские следы в рассматриваемом и прилегающих районах есть и помимо венетов. Их усматривают в этнониме авзонов⁷⁴, в культурах быка и волка⁷⁵ и в погребениях с деревянными ящиками, приписываемых яподам⁷⁶. Нам кажется, что отголоском иллирийского присутствия в Лации можно считать и имя одного из альбанских царей, деда Тиберина, Каписа, поскольку так же звали и отца Анхиза, деда Энея. Важно отметить, что иллирийские движения в направлении Лация и затем из него в Южную Италию относятся уже к железному веку, т. е. к концу II — началу I тыс. до н. э. С этими фактами следует сопоставить литературную традицию об Энее. Ф. Бемер справедливо подчеркнул иллирийскую принадлежность Энея. Он называет героя иллирийцем с Балкан, где обитали айнеяды, пока не переселились в Трою, или фрако-иллирийцем⁷⁷. Действительно, в XX песне Илиады дается генеалогия троянских царей. В эпоху поздней античности эта генеалогия была записана каким-то анонимом. Согласно ей, Эней был из рода Дарданидов, а дарданы — безусловно иллирийское племя. Известно, что дарданы мигрировали во II тыс. до н. э., дав название проливу и городу в Малой Азии. Дед Анхиза Ассарак носит иллирийское имя⁷⁸.

Подтверждение связи Энея с фрако-иллирийским миром можно видеть в новой книге Э. Перуцци. Ученый подчеркнул, что традиция единодушно относит появление салиев в Италии к прибытию Энея, и привел убедительные данные в пользу того, что название салиев восходит к самофракийскому этнику «сай»⁷⁹. Напомним, что, согласно Страбону (VII, 49), в Самофракии некогда обитали иллирийцы — Иасион и Дардан до его переселения в Малую Азию.

⁷⁰ Л. А. Гиндин, Языки древнейшего населения юга Балканского полуострова, М., 1967, стр. 166.

⁷¹ В. Георгиев, Исследования по сравнительно-историческому языковедению, М., 1958, стр. 231.

⁷² Кгахе, ук. соч., стр. 18.

⁷³ М. Лежюне, Venetica, «Latomus», XII, 1953, f. 4, стр. 385 сл.

⁷⁴ Altheim, ук. соч., стр. 18.

⁷⁵ Laviosa Zambotti, ук. соч., стр. 91.

⁷⁶ Там же, стр. 92—94.

⁷⁷ Бемер, ук. соч., стр. 77, 30.

⁷⁸ Lochner-Hüttenbach, ук. соч., стр. 154.

⁷⁹ Е. Перуцци, Aspetti culturali del Lazio primitivo, Firenze, 1978, стр. 53—55.

Принимая во внимание выводы Ф. Бемера о сопричастности фokeйцев и этрусков к оформлению и перенесению легенды об Энее в Италию, поскольку первые были особенно хорошо осведомлены в малоазийских и вообще эгейских делах, а вторые — в итальянских, тем более соседнего Лация, можно думать, что за каноническими троянцами античной традиции стоят какие-то воспоминания о вполне реальных переселениях иллирийцев. Патриотическая тенденция римской историографии, усугубленная вдохновением римских поэтов, довела эти воспоминания до связи с Троей, наиболее значительным и известным благодаря Гомеру местом, связанным с фрако-иллирийским миром.

Как видно, и теперь еще картина древнейшего населения Рима носит эскизный характер, но некоторые детали уже вырисовываются в ней достаточно отчетливо. Уточнения, достигнутые в результате исследования, позволяют сказать, что этнический состав будущего Рима оказался действительно чрезвычайно сложным, подвижным и многослойным. Входившие в него элементы имели неодинаковое этногенетическое значение. Этническая подвижность характерна и для несколько более поздней эпохи, открывающейся так называемым Ромуловым Римом. Но это время требует уже специального исследования.

THE POPULATION OF ROME IN EARLIEST TIMES

I. L. Mayak

Nineteenth century historians usually dealt with this subject in connection with the question as to the origins of the patricians and plebeians. Only Niebuhr and Mommsen addressed themselves to the earlier period. Study of ethnic development was confined to the testimony of the ancient tradition. Since the end of the 19th century accumulation of archaeological material has drawn attention to the primitive epoch in Italy, including the character of the Roman population in that early epoch. Further advances in archaeological and linguistic research led to reassessment of the ancient tradition and in particular to a reexamination of established notions about the population of Rome proper. The author (1) points to the complex and mobile nature of the population in earliest times; (2) following Ostenberg and Peruzzi, she inclines to the hypothesis of an attempt to found an Achaean *apoikia* on the site of Rome, as this is reflected in the tradition about Evander and Hercules; (3) she treats the legend about Aeneas as a reminiscence of an actual migration of Illyrians into Latium; (4) she expresses her opinion that by Aborigines should be understood Italic, primarily the Latin people. In the various explanations of this term by the ancients are reflected real migrations from the distant Danubian region. Roman patriotic historiography, seeking to assert the local origin of the Roman people, gave the synonymous word *indigenae* an ethnical meaning.